

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ

Секретарь парткома завода Полуянов Борис Евгеньевич изучающе смотрел на Федякина, сидевшего перед ним в кабинете. Федякин Иван Дементьевич, молодой специалист, уже десять лет работал на заводе. Он пришел сюда по направлению после окончания института.

«Быструю карьеру сделал, – думал Полуянов, глядя на лежащую перед ним автобиографию. – За десять лет из рядового мастера стал главным инженером, а теперь в связи с болезнью директора выдвигается на первое лицо крупного завода. Так, так, так... имеет двоих детей, жена работает учителем, член партии с 1980 года... Все очень хорошо, – размышлял он, – если бы не...»

Недавно Полуянова вызывали компетентные работники райкома партии и сообщили ему, что Федякин крестил свою дочь и изредка посещает церковь. По заданию «известного учреждения» в церкви этой стоял осведомитель Сева Неволин. Его завербовали очень просто: увидели на богослужениях, узнали, что есть у него судимость, вызвали и «взяли на пушку». Сева испугался: второй срок мог быть большим. Он знал, с кем имеет дело. За незаконное хранение и распространение религиозной литературы «светило» до десяти лет. У него дома этого добра нет, но если и нет – так ведь принесут! Сева стал рассказывать «товарищам», кто в церковь заходил, как регулярно, какие проповеди говорит священник и с кем общается. Вытянутое лицо Неволина было печальным. Все это было ему неприятно, но, увы, неизбежно, кошки скребли на сердце... А что делать и куда убежишь? Вкусив тюремной баланды и несвободы, повторно этого не захочешь.

Так «товарищи» с помощью Неволина вычислили Федякина, узнали его адрес и должность, зафиксировали этот «непорядок» в его личном деле и по согласованию с политруком передали в райком. Федякина нельзя было просто так взять и снять, это – не 37-й год. Но его надо остановить, а, возможно, и скомпрометировать. Ведь кто у нас имеет руководящую роль? Она, Партия!, в прошлом – Железная, а теперь уже – пластилиновая, но этого тогда еще не знали...

Полуянов не мог в глаза спросить Федякина, что-то ему мешало. Мешали эти кристально чистые и честные глаза, в которых, казалось, отражалось небо. Федякина Полуянов знал давно, и за все это время Иван Дементьевич не допустил ни одной ошибки, ни одного промаха, и только хорошие и очень хорошие отзывы... В последнее время появилась гласность; писатели, журналисты и все, кому не лень, стали оценивать славное партийное прошлое и такого понаписали!.. Сам Полуянов стал понимать, что наворочали генсеки-дровосеки. Ему хотелось куда-то бежать от этой омерзительной правды. Да, виноваты люди,

люди, но и сама идея – свобода, равенство, братство, бесплатное образование и медицина и... бесплатное заключение в ГУЛАГ. *«Но ведь без насилия нельзя, – думал он. И сам же себе вопрошал, – а если тебя самого ни за что на нары – тогда что? Это время беспокойное мы переживем, опять возвратится былая сила, и тогда – погодите, писатели-бумагомарателли!»*

Полуянов не мог ничего сделать, у него не было рычагов, а, кроме того, ему по-человечески нравился этот молодой специалист, всегда простой, открытый и талантливый, одним словом – человек с большими перспективами. Что-то новое, нестандартное вносил он в управление.

Во-первых, отношение к людям – никакого хамства, грубости, никакого заискивания и поддакивания. Во-вторых, везде додумывается до корня, до главного, куда нужно направить усилия завода.

А недавно поразил он бывших фронтовиков и участников войны, когда на общем собрании в честь Победы назвал их жизнь подвигом любви, больше которой нет на земле.

Полуянов решил, что не будет никак вмешиваться, но будет наблюдать за развитием событий.

– Иван Дементьевич, по согласованию с руководством завода и профкомом мы выдвигаем Вашу кандидатуру на выборы в депутаты районного совета. Как Вы к этому относитесь?

– Уважаемый Борис Евгеньевич, почту за честь! Да и могу ли я отказываться, когда лучшие люди завода мне это предлагают? А если изберут депутатом, я смогу еще больше помочь заводу, – Федякин искренне смотрел на секретаря парткома, и не было повода сомневаться в его словах.

– Ну, вот и прекрасно, Иван Дементьевич, вот, заполните эти анкеты, заявление, через месяц соберем собрание завода и будем за Вас голосовать.

Они дружески распрощались, и Федякин пошел к своему кабинету. По дороге его то и дело останавливали сотрудники отделов и рабочие с разными вопросами. Он никогда не пробегал мимо людей и пытался разрешать самые разные вопросы коллектива, не избегая даже личных человеческих проблем.

Сначала в его кабинет зашла Алла Семковская, недавно пришедшая на завод. У нее никак не ладилась отношения с начальником производственно-технического отдела, в котором она работала, и надо было как-то примирить их, направив в русло совместной службы. Затем появился Юрий Веснин, занимавшийся вопросами автоматизации, за ним – группа инженеров, готовившая реконструкцию завода – дверь его кабинета была для всех открыта. Параллельно надо было отвечать по непрерывно звонившему телефону.

Решая конкретные вопросы, Федякин стремился, в первую очередь, увидеть перспективу завода, как бы увидеть его через 25 лет и к этому стремиться. Нельзя ограничиться решением текущих, сиюминутных задач, но надо заниматься тем, что будет определять

жизнь завода через одно поколение – таков был его принцип. Откуда он его взял – никто не знал. Это пришло как бы свыше, или от нескольких поколений его предков. А еще ему очень помогала вера. Еще недавно он был – как все советские студенты, со значком комсомольца на груди и тайным неверием в идеи марксизма-ленинизма.

Советское общество 1970-х годов – это не коллектив энтузиастов, строителей нового, а уже аморфное, без старых идей общество, во многом разочаровавшееся из-за всегдашних очередей в магазинах, из-за бездарности генсеков, читающих доклады старчески заплетаящимся языком, из-за туристов, побывавших в западных странах и оставшихся в изумлении от общества изобилия и потребления. Молодежь как никто другой ухватывала дух времени и уходила с головой в новую культуру рок-музыки и отрицания. Требовался пересмотр косной и громоздкой идеологии. Искусственная советская утопия диаметрально расходилась с реальной жизнью планетарного человечества.

Чувствуя ложность советской системы, Федякин стал усиленно искать истину. Сначала он увлекся идеями буддизма, ухода в себя, индивидуальным спасением и совершенствованием. Но когда это вошло в противоречие с его обязанностями нежного супруга и заботливого отца, он безжалостно порвал с этим индивидуализмом. Человек – соборное, коллективное, семейное, общественное творение. И тогда он просто «откопал» то, что содержалось в русской цивилизации – Православие. Снимая пласт за пластом лживые наслоения мракобесов-коммунистов, как это делает археолог, раскапывающий древности, он наткнулся на огромную глыбу – скалу, на которой тысячу лет стояло русское государство. Пользуясь абонементом своего отца-философа, Федякин в Фундаментальной библиотеке перечитал всех дореволюционных русских классиков-философов и историков и понял: Россию свернули в сторону от ее генерального пути, насильно надели на Нее рабское ярмо, втиснули Ее в прокрустово ложе лжи, отрубили лучшее и навязали худшее.

К этому времени в семье Федякина уже подрастало двое сыновей, он работал на заводе уже начальником цеха и вступил в партию. Это произошло так же, как и сегодня: вызвал его секретарь парткома завода и предложил вступить. Федякин колебался, но не вступить в партию – это значило конец его продвижению по службе. А, кроме того, к русской вере он еще не пришел и находился на перепутье. И Федякин согласился и стал членом КПСС – «чести и совести эпохи». Приняв же через некоторое время крещение, он понял, что совершил ошибку, вступив в партию с идеологией, пропагандирующей построение светлого будущего на земле и в корне противоречащей учению Православия о спасении человечества в Царстве Небесном. Именно из-за этого противоречия ленинисты, в первую очередь, сносили церкви и убивали священников.

Крестивший Федякина духовник отец Федор успокаивал его, говоря что многие деятели советского государства были христианами, но веру свою скрывали «до времени», стараясь послужить на своей должности Богу и благу России. Так поступил и Федякин. Он исправно платил членские взносы, участвовал в партсобраниях и проводил политинформации, но в своей работе насколько позволяли силы служил Богу и людям. Его идеалом была

дореволюционная царская система с единодержавием и Православием. И он был уверен, что когда его, глядя в глаза, прямо спросят, верует ли он в Бога, он так же прямо ответит: *«В Господа нашего Иисуса Христа»*.

На вывезенном из поверженной Германии и размещенном в старых, еще дореволюционных, корпусах заводе плакало и дымило все: плакали стены и окна, дымили трубы и вентиляционные решетки. Реконструкция, готовившаяся каждым новым главным инженером, приходившим на 5-7 лет, так и не начиналась. Старые проекты сменялись новыми, новые проектировщики переписывали старое. Впервые придя в свой кабинет и пересмотрев копну запроектированной рухляди, Иван ужаснулся. Завод проще снести с лица земли и построить заново. Но никто этого не позволит, и затянутся реконструкции на долгие годы, и пока будет идти процесс – и проект устареет безнадежно, и оборудование. Нет, надо не пожалеть денег и параллельно с работой старого завода на свободной земле строить новый корпус из облегченных материалов. Строить его быстро, устанавливать новейшую технику и запускать, а потом один за другим перестраивать старые корпуса. В горисполкоме Ивана поддержал молодой мэр, министр одобрил это решение, и Госплан республики это решение внес в задание. Иван каждый день молился об этом. Он выходил на работу как на битву, и успех шел ему в руки.

Сегодня он был у замминистра. Пока дожидался в приемной, по радио сообщили о сносе Берлинской стены. Целая эпоха уходила в небытие. *«Кто может прийти на смену законсервированным старикам?, – думал Иван. – Только молодежь. Но куда она повернет Страну Советов, то бишь Россию? Она ведь непредсказуема! Надо идти к корням, возвращаться туда, где ошиблись и где свернули в никуда. Каяться надо и возвращаться. Но каяться трудно даже одному, а здесь огромное государство...»*

Федякина огорчало то, что не с кем было поговорить по душам. *«Другому как понять тебя, поймет ли он, чем ты живешь?»*, – вспоминал он строки великого поэта. Ему казалось, что он хорошо себя чувствует в среде христиан и, поскольку он пришел в церковь недавно, в ней он чувствовал всех друзьями. Хотя на самом деле в церкви много Аполлосовых и много Кифовых, но мало Христовых. Ибо, как сказал Христос, вера определяется не словами и внешностью, но делами, и этот простой измеритель ставил говоруна и фарисея на место. Скрытые христиане были и среди «неверующих». Многие советские люди открыто веру не исповедывали, но сердцем отличали добро от зла и в жизни следовали своей совести.

Кроме Бога, у человека есть человек, и общение с человеком – важнейшая необходимость. Из-за отсутствия этого общения многие не становились человеческими и не приходили к вере. И Иван общался с духовными писателями, читая их книги, общался с искренне верующими и церковными людьми и, наконец, с пастырями. Однажды он «познакомился» и со святым человеком – преподобным Серафимом, некогда жившим в Сарове Темниковского уезда Нижегородской губернии. Степень веры Ивана после крещения была такова, что он, прочтя житие этого святого и его поучения, вошел в такое общение с ним, что бук-

вально ощущал его незримое присутствие. Как чистую воду пил он поучения отца Серафима и все тщательно конспектировал и запоминал. Теперь ему нетерпелось посетить Саров и Дивеево, и он стал к этому готовиться. Когда-то Нижний Новгород, а теперь город Горький, находился по дороге в Пензу, где уже был построен и действовал завод, подобный тому, который Иван хотел построить. И, получив командировку, он решил выехать на два дня раньше, чтобы заехать к святому Серафиму.

Сначала он пошел в церковь и взял благословение у о.Анатолия, потом купил авиабилет до Горького. Загаженное здание советского аэровокзала ожидало его и здесь, в Нске, и в Горьком. Стояла крепкая зима. Он долго искал автовокзал, так как ехать ему нужно было до Арзамаса, а затем в Дивеево.

Саров был в зоне недосягаемости. Военный объект, строго засекреченный «почтовый ящик», где советские ученые разработали, а затем до бесконечности совершенствовали атомную бомбу. Все окрестности Горького были окружены «почтовыми ящиками». Агенты государственной безопасности шныряли всюду, ими были напичканы «места скопления людей», «прибытия и убытия»: аэропорты, автовокзалы. «С какой целью Вы едете в Арзамас?», – уже предчувствовал возможный вопрос Федякин. – *К дяде, тете или бабушке* – ни один из ответов не подходил. *К преподобному Серафиму?* Никто бы в это не поверил.

Но подозрительные люди в кожаных куртках, черных плащах и шляпах к нему не подошли. Трясаясь по российской дороге в старом пахнущем выхлопными газами солярки венгерском «Икарусе» в течение нескольких часов, добрался он, наконец, до Дивеево. Войдя в щуплое деревянное зданье пригородной кассы, он прямо спросил у кассирши: где живут монахини? Заспанная женщина с удивленными глазами указала ему дорогу. На улице был крепкий мороз. Где он сможет остановиться в деревне, в которой нет даже гостиницы, и есть ли сегодня обратный автобус в Арзамас, он не представлял. И находился в предвкушении радостной встречи со святым. Третий поворот налево и 6-й дом от угла, деревянная избушка, засыпанная снегом, протоптанная тропинка, колодец с коромыслом во дворе. Он постучался и, выждав минуту, открыл дверь. Перед ним открылась комната – светелка с сидящей на железной кровати старой женщиной в черном, а за ней возвышалась большая икона Серафима, как будто сам святой был здесь и сторожил монахиню.

– *Здравствуйте, матушка, я приехал к вам далеко, из Нска посетить отца Серафима.*

– *Проходи, проходи, милый человек, садись, рассказывай, что тебя привело сюда?*, – шепелявила беззубым ртом старушка.

Сбивчиво и понемногу, не вдаваясь в детали и не объясняя ей кто он по должности, Иван рассказывал ей доверительно, что Сам Серафим пригласил его. Никто и никогда не поверил бы Ивану, что мертвый может пригласить живого, но старушка с пониманием и со вздохами слушала и покачивала головой. Что-то родное, теплое растопило сердце Ивана, как будто она – своя, своя долголетняя подружка, бабушка, а он – ее внучок, наконец-то, навестивший родственницу.

Затем Иван выслушивал рассказ старицы Евфросинии. Ему повезло, или Бог подал, что он узрел своими глазами последнюю оставшуюся в живых инокиню Дивеевской обители, закрытой гонителями в 1920-е годы, то есть более 60 лет назад. Будто кто-то невидимый, наверное, Серафим соединял его дух с духом последних монахинь Дивеево. А старица рассказывала, как отняли Дивеево, как ссылали и отправляли в тюрьмы ее жительниц, и как теперь она с трудом приехала на это пепелище, где еще уцелели и высятся два огромных растерзанных пустых собора, где детский дом и колония и только деревня помешала все сровнять с землей, а в городе это сделали бы давно.

Несмотря на советские запреты, монахини, предчувствуя воскресение обители, с начала 1980-х годов стали съезжаться сюда, в Дивеево, и селиться в избах и оплакивать бывшее и молиться Серафиму о будущем.

– И ноне не дают добра, – говорила матушка, – собираться вместе на молитву. Приходит милиция и всех переписывает и выгоняет.

Иван достал из сумки собственноручно переписанный акафист преподобному, и стали они со старицей молиться и поклоны творить. Затем Евфросиния принесла поручи и епатрихаль преподобного, четочки и чугунок, где варил он снить-траву, а Иван к ним прикладывался и прикладывался. Евфросиния позвала послушницу, и пошли они с послушницей по дивеевской канавке, и в святой Серафимов источник окунался Иван. И не замечал он времени, и как будто Сам Серафим вел его. И попрощался Иван с помощницей и сел в арзамасский «икарус», и все устроил Серафим, и всю дорогу до Арзамаса и Пензы, и до Москвы, и до Нска Серафим был с Иваном, и так ему было тепло и хорошо и радостно на душе, что ничего другого ему и не надо бы, как только всегда пребывать со святым Серафимом в Духе Святом.

И вспомнил Иван слова, читанные им в Послании Апостола, что

НЕ ВИДЕЛ ТОГО ГЛАЗ, НЕ СЛЫШАЛО УХО, И НЕ ПРИХОДИЛО ТО НА СЕРДЦЕ ЧЕЛОВЕКУ, ЧТО ПРИГОТОВИЛ БОГ ЛЮБЯЩИМ ЕГО.

* * *